

самосадки поваренной соли в заливе Кара-Богаз-Гол» (с. 139–140). Далее по тексту выясняется, что процесс этот все же идет, но носит сезонный (осеннее-зимний) характер, как, впрочем, и процесс глауберовой соли. К сожалению, даже не упомянуты выдающиеся исследования К.М. Бэра а затем Н.Я. Данилевского (по методике Бэра) Аральского моря, удостоенные высшей награды Императорского Географического общества – Константиновской медали. Также нет упоминания и о пионерных исследованиях Бэра оз. Гокча (Севан), а также рек Кавказа. Есть и другие замечания, но их перечисление в нашу задачу не входит.

Хотелось бы в заключение поставить один общий вопрос: можно ли написать другую историю гидрохимии в России и будет ли она отражать историю мировой гидрохимии? На вторую часть вопроса сама В.А. Широкова всем содержанием книги дает однозначный и научно достоверный ответ. История гидрохимии в России наиболее полно отражает основные

тенденции развития мировой гидрохимии. В ней сконцентрированы все достижения мировой научной мысли Европы и Америки, а в формировании теоретического, методологического и методического фундамента науки о природных водах в России принимали участие такие выдающиеся естествоиспытатели XVIII–XX вв., равных которым не было ни в одной стране, ни в каком-либо другом регионе мира. Следовательно, кто бы ни попытался написать историю мировой гидрохимии, в нее неизбежно войдет как главная составляющая – История гидрохимии в России. Продолжая этот вывод, мы должны столь же неизбежно заключить, что единственная профессионально написанная в этой области знаний монография В.А. Широковой будет еще долго востребована в отечественном и мировом историко-научном сообществе, занимающемся историей науки о водах и общей историей естественных наук.

А. Г. Назаров

Струнников В. А. Шелковый путь. М.: Наука, 2004. 276 с.

Помните картину Б.М. Кустодиева 1921 года? Двойной портрет молодых физиков, будущих нобелевских лауреатов и академиков – Петра Капицы и Николая Семенова? Через полвека, когда В.А. Струнников делал доклад на заседании Президиума Академии наук СССР о работах по шелкопряду, эта картина словно ожила, и Семенов, восторженно обращаясь к Капице, громко, на весь зал, воскликнул: «Петя, иди, посмотри: они живые!»

Бабочек шелкопряда будущий академик Владимир Александрович Струнников впервые увидел в детские годы: соседка, школьная учительница, из поездки на юг России привезла ко-

коны шелкопряда. Из куколок, заключенных в коконы, вылуплялись бабочки, они не летали, а устраивали брачные танцы, откладывали грену, желтые яйца темнели, из них выходили крошечные гусеницы, которые обильно кормились листьями шелковицы, быстро росли, временами линяли и, наконец, обвивали себя шелковой оболочкой. Мальчику рассказали о работах Л. Пастера и И.И. Мечникова. Метаморфоз шелкопряда и рассказы произвели на мальчика глубокое впечатление, и он решил посвятить жизнь исследованиям этого насекомого.

Отечество и фамилия появились не по праву рождения. Отцом был Иван

Евгеньевич Чехов (все Чеховы, включая семью Антона Павловича, отличались не только высоким ростом, привлекательностью для девушек, склонностью к туберкулезу, но и – главное – стремлением получить образование и выйти в люди.) Сельский священник, после революции он получил статус лишенца. Позже был выслан, через несколько лет вернулся, но вскоре был арестован и расстрелян. Когда начались репрессии, детей распределили по родственникам, и мальчик переехал к сестре отца Валентине Евгеньевне и ее мужу, профессору-хирургу Александру Николаевичу Струнникову. Удостоверение об окончании семилетки на новое имя сделало его полноправным гражданином советской страны. В.А. Струнников просил и получил командировку в Горский сельскохозяйственный институт в Орджоникидзе, а после ликвидации отделения шелководства и пчеловодства перевелся в институт шелководства в Ташкенте.

Общаясь с крупным ученым, невольно задаешься вопросами: какая черта личности у него главная? что стало основой профессиональных достижений? или основой привлекательности личности? Нам всегда представлялось, что основной чертой характера, присущей Владимиру Александровичу на протяжении всей его жизни, была любознательность. И что именно она, в соединении с воображением и настойчивостью в достижении цели, сделала его тем, кем он стал.

Любознательность и воображение рождают изобретательность. Она при темпераменте и артистизме Струнникова проявлялась в постоянно им устраиваемых разнообразных розыгрышах.

Любознательность, при мощной концентрации, часто имеет следствием удачу. В жизни Струнникова удача порой играла важную роль. Двенадцати лет, в 1927 г. в поездке с будущи-

ми приемными родителями по Северному Кавказу, он попал в горную реку Тиберду. Его начало тащить, выбраться на берег не было никакой возможности, он побежал и бежал в потоке по камням километр. И лишь при впадении бурной Тиберды в спокойную Кубань ему удалось выбраться. Это был знак многих будущих удач.

Изобретательность и воображение позволили В.А. Струнникову выжить и сделать много славных дел в Ташкенте, в атмосфере чудовищных интриг, о которых он деликатно упоминает в книге. Но и удача порой помогала делу. Вот один из многих случаев. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана созвал совещание, чтобы получить одобрение очередной начальственной глупости – готовить грену от бабочек, вышедших из коконов в колхозах, а не в племенных хозяйствах. Он выслушивал восхваления, а Струнников высказал мнение специалиста. С ним перестали здороваться, предвидя репрессии, но не надолго – через день начальника Узбекистана лишили должности.

Большой удачей была встреча с учителями. Любознательность, и все, что ее сопровождает, развившаяся под влиянием его первого учителя М.И. Слонима, и другого учителя, по преимуществу заочного, Б.Л. Астаурова, стали основой всех научных изобретений Струнникова. Более молодой, он принадлежал к той же научной школе и работал на том же объекте, что и уже знаменитый Астауров. Немудрено, что пытаясь решить те же проблемы, что и Астауров, Струнников изобретал схожие с астауровскими (но с тонкими отличиями) подходы, получал близкие к астауровским (но не те же самые) результаты. В тонкостях разобраться может лишь редкий специалист, и Струнников подчас оказывался в

ложном положении (быть может, таким розыгрышем судьба ответила на розыгрыши самого Струнникова?).

Мудрый и доброжелательный Астауров, полагавший, что в его области хватит места еще многим исследователям и каждому достанет славы, перетащил Струнникова из Ташкента в Москву, где тот уже задыхался от чинимых ему препятствий в работе.

Шелкопрядные работы Астаурова и Струнникова были вместе выдвинуты на Ленинскую премию. На моей памяти у Бориса Львовича был корреспондент ТАСС, который сделал прекрасные фотографии для этой даты. Но в Москве интриги выстраивались порой крепче, чем в Ташкенте, и гонители Астаурова добились отмены премии. Заодно премии лишился и Струнников. Более того, начальство потребовало, чтобы именно он сообщил Астаурову об отмене присуждения.

Любознательность, воображение, изобретательность позволили Владимиру Александровичу выжить в военные годы в лагере для военнопленных в Румынии, до и после него. Однажды, будучи самодеятельным лекарем в лазарете, он научился точно оценивать температуру без термометра, сравнивая пульс обследуемого больного с ровным пульсом больного, принятым им за стандарт. Крупный медицинский начальник, познакомившись с изобретениями Струнникова во время визита в лазарет, назначил ему льготы, а главное – велел немедленно снабдить его обувью. Однако Струнников уже проходил зиму босиком по снегу и навсегда заработал болезнь ног.

Он выжил и в ситуации, когда ему было велено стать палачом пойманного беглеца (дать ему розог). Он отказался и был наказан сам: получил чрезвычайно болезненные удары предметом, который точно описал,

но затруднился назвать по-русски (по латыни это «стимул»), после чего недели две не мог лежать на спине и сидеть. Стойкость пригодилась и после войны, когда в Ташкентском институте шелка нашли лишь двух вейсманистов-морганистов – Струнникова и его жену.

Читая нашу книгу о Н.В. Тимофееве-Ресовском¹, Владимир Александрович сделал ряд интересных замечаний, упомяну здесь одно. Он вспомнил, как однажды получил прошедшее через ряд инстанций письмо от Нобелевского лауреата М. Дельбрюка. Тот выражал интерес к уникальной способности самцов тутового шелкопряда находить самок за многие километры и предлагал эксперту по шелкопряду совместную работу. Струнникова заинтересовал даже не сам проект (он полагал, что выйдет отказ, ведь работа могла иметь оборонное значение), а сам факт письма от мировой знаменитости: откуда тот мог узнать о нем? Теперь, через много лет, он заключил, что совет Дельбрюку – связаться с ним – дал его друг Тимофеев-Ресовский.

О главных своих научных изобретениях Струнников рассказал в книге – ясно, четко, доступно. Эти работы находят практическое применение в Китае, где струнниковский гибридный гетерозис дает, по китайским источникам, увеличение доходности шелководства на 20%. Он бегло и с пропусками рассказывает, какие гигантские налоги и каким инстанциям приходится платить от тех крох, что ему предназначают китайцы (когда они платят). Это весьма поучительный сюжет, который должен быть освоен молодыми учеными. Но

¹ Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, 1900–1981. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 672 с.

Струнников общается с начальством по его правилам. Когда же ученый начинает работать с заграницей напрямую и получает гонорар минуя лабораторию, институт, ведомство, государство, то порой становится шпионом. Примеры общеизвестны.

В последней главе В.А. Струнников дает очень интересные описания ситуаций, связанных с выборами в Академию наук СССР (для нового издания даты в книге следует уточнить). Он мог бы дать намного более подробные ответы на вопросы сотрудников ИИЕТ, интересующихся изустной историей Академии наук СССР, но теперь уже не даст: ученый скончался 9 декабря 2005 г. и эта книга стала его завещанием.

Завершу тем, с чего надо было бы начать: В.А. Струнников написал книгу «Шелковый путь», объединяющую личные воспоминания и описа-

ния различных бытовых и научных ситуаций с краткими вполне доступными изложениями сути тех его открытий и изобретений, которые автор считает наиболее существенными. Книга читается как роман (я задержался с рецензией потому, что мой экземпляр ходит по рукам, находя все новых читателей, и никак не вернется к хозяину). Она содержит ценные сведения. В этом основа ее привлекательности.

Издательство «Наука» выпустило книгу воспоминаний к 90-летию выдающегося ученого. Книга демонстрирует обычную для «Науки» высокую полиграфическую культуру и сделана издательством с большой любовью: книга – как праздник. Этому празднику действительно требуется допечатка или переиздание.

В. В. Бабков